

С. Есенин об истоках и сути творчества

Е.В. ГУЛЕВИЧ

В статье представлены взгляды С. Есенина на поэтическое творчество, отраженные в его критических работах, статьях и стихотворениях. Рецепция поэта экзистенциальной сущности человека, а также сути творчества предопределена его видением развития России и западных стран начала XX в. Показано, что поэзия Есенина по своей формальной репрезентации и содержательной наполненности в высшей степени новаторская. Представлена преемственность творчества Пушкина в ранней поэзии С. Есенина.

Ключевые слова: Есенин, Пушкин, «Я странник убогий», «Узник», поэзия, рецепция, Европа, Америка.

The article presents S. Esenin's views on poetics reflected in his critical works, articles and poems. The poet's vision of the existential essence of man, and creativity is predetermined by his perspective of the development of Russia and Western countries of the early XX century. It is shown that Esenin's poetry is highly innovative in its formal representation and deeply philosophical content. The continuity of Pushkin's heritage in Esenin's poetry of the early period is presented.

Keywords: Esenin, Pushkin, «I am a poor wanderer», «The Captive», poetry, perception, Europe, America.

Введение. Сергей Есенин – голос русского народа. Его называли поэтом деревни. Но, правильнее сказать, что русская деревня заговорила через Есенина – приобрела голос и впоследствии во всеуслышание показала его богатство, наполненное мелодией ветра русского поля и шёпотом берёз. Есенин воспел простую и тихую красоту русской деревни так, что она зазвучала многоголосием чувств и богатой палитрой красок. Творчество Есенина вошло глубоко в души многих поколений в силу «удивительной протянутости слова от тверди к вселенной» [1, с. 210], как однажды определил Есенин прозу А. Белого.

Есенин получил всенародную славу уже при жизни – его любил простой народ, старшее поколение поэтов и писателей признавали гений Есенина, ему благоволили и о нём писали знаковые политические деятели. Не многие авторы удостоились прижизненного издания сочинений. Есенин готовил к изданию три тома стихов. Сам редактировал и структурировал книги: «Этого Собрания я желаю до нервных вздрагиваний» [2, с. 346]. Собрание стихов увидело свет в 1926 г., посмертно.

Биография Есенина и его творчество являются объектом неизменного интереса литературоведов. В данном исследовании назовём знаковые работы, вышедшие в XXI в. Так, изучены социальные предпосылки исторических изменений в России 1920–1990 гг. (А. Пыжиков, 2015; Ю. Емельянов, 2017; А. Ганин, 2018), описаны особенности развития литературы Серебряного века (С. Семёнова, 2016; О. Лекманов, 2017), представлена специфика русского имажинизма (В. Марков, 2017; М. Панов, 2017), изучено творчество Есенина в контексте русской литературы XX в. (М. Скороходов, 2014; Т. Савченко, 2014), выявлено влияние Октябрьской революции на поэзию Есенина (Р. Магуайр, 2004; В. Фатющенко, 2008), изучены этапы жизни поэта (Н. Шубникова-Гусева, 2008; С. Зинин, 2010; А. Марченко, 2011; Ю. Андреева, 2014; Л. Поликовская, 2014; Б. Грибанов, 2017; Д. Силкан, 2019), а также версии его гибели (В. Кузнецов, 2005; Е. Фёдорова, 2012; В. Мешков, 2013; И. Евсин, 2014; Т. Андреева, 2016; З. Прилепин, 2020; З. Агеева, Г. Смолин, 2022; А. Крусанов, 2023).

Цель данного исследования – на основе критических работ, писем и стихотворений С. Есенина выявить взгляды поэта относительно поэзии как акта творчества, представленные в контексте социально-исторической ситуации в России в начале XX в., рецепции поэтом творчества литературных предшественников и современников, а также его знакомства с зарубежной культурой.

Основная часть. Есенин считал, что «вся жизнь наша есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками» [1, с. 207]. Масштаб реальности, которая предстала взору поэта, был огромен. Уникальность Есенина – человека и поэта – в том, что он глубоко

познал жизнь русской глубинки, в то же время в 1921 г. «женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании» [3, с. 18]. Он ехал в Америку «рекламировать Россию» [4, с. 379]. Громким эхом зазвучало творчество Есенина после заграничных поездок, когда он гордо заявил: «Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию» [3, с. 14].

Поэт жил и творил в очень сложный исторический период, когда «русского мужика качнул раскол. И волна эта, набирая мощь, захлестнула два последующих столетия» [5, с. 169]; менялись координаты дальнейшей жизни всего мирового сообщества. Это время выбрало Есенина, и он с готовностью стал его действующим лицом: «Пришло время <...> творить человека и эпоху» [1, с. 260].

Поэт стал свидетелем эпохальных событий, возможно, потрясений: менялся уклад политической жизни – на смену царскому режиму приходил новый революционный этап – монархия пала, народ получил надежду на лучшую жизнь. Ю. Прокушев отмечал: «Время Есенина – время крутых поворотов в истории России. От Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, от России, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны, – к России, преобразенной революцией, России Советской – таков путь, пройденный поэтом вместе со своей Родиной, со своим народом» [6]. Но дорога к социальному равенству и равноправию была тернистой. Она сопровождалась политической борьбой властей предрержащих и тяготами в жизни простых людей. Есенин переживал бурные исторические сломы остро, по-своему. Это значило метание, принятие и разрыв, желание созидать и искоренять – он то поддерживал власть Советов: «Со всеми устоями на советской платформе» [3, с. 12]; «С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство» [1, с. 159], то признавался: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном» [3, с. 22]; был «не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах, – я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своём творчестве» [1, с. 159]. В силу особенностей своей натуры и душевной организации Есенин не мог воспринимать происходящее иначе. В стихотворении «Русь советская» говорится:

Приемлю всё.

Как есть всё принимаю <...>.

Отдам всю душу октябрю и маю,

Но только лиры милой не отдам [7, с. 24].

За свою короткую жизнь С. Есенин посетил многие страны. Так, «в 22 году вылетел на аэроплане в Кенингсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку» [3, с. 14]. Запад очаровал Есенина: «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может» [2, с. 321]. Говоря о людях, Есенин отмечает: «Сплошное кладбище. Все эти люди <...> не люди, а могильные черви, дома их гробы, а материк – склеп. Кто здесь жил, тот давно умер...» [2, с. 321–322].

Повидав Новый и Старый свет, Есенин очень трезво оценил производственные возможности Америки, которых еще не было в молодом Советском государстве, только начинающем развиваться, освободившись от царского гнёта. При этом он осознал полную бездуховность Европы и Америки, понял, что несроден жизненным установкам Запада. Он вернулся не тем, кем был, и еще с большим душевным рвением вошёл в новую фазу жизни, обновлённую поэтической рефлексией пережитого.

После поездки Есенин много и вдохновлённо работает, так как волновался, что «почти 2 года ничего не писал, когда был за границей» [3, с. 147]. Он удаляется на Кавказ, потом в Крым, чтобы полностью отдаться творчеству, и пересылает Г. Бениславской много новых стихов, среди которых известное «Письмо к женщине».

В данном контексте важно отметить, что Есенин сделал свой выбор – поэт не уехал «ни в США, ни в Европу, куда пыталась позвать его любимая им женщина, Айседора Дункан. Он выбрал для себя Россию, СССР, родину без которой не мыслил своей жизни, своего творче-

ства» [4, с. 10]. Он мог любить Россию издалека, как сделали многие. Но Россия была его естеством: «...более всего он болел не за европейские образцы <...>, и не за революцию <...>, но за свою крестьянскую Русь» [5, с. 115]. Есенин остался и дал обещание:

*«Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким “Русь”»* [7, с. 26].

Установка Есенина на народность и русскость творчества была свойственна его поэтическому естеству; была его сознательной установкой: «В нашем литературном строительстве на советской платформе я предпочитаю везти телегу, которая есть, чтобы не оболгать тот быт, в котором мы живём» [1, с. 165].

Еще в 1915 г. Есенин писал о России:

*«Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стезю серую.*

*О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую»* [2, с. 68].

Свои взгляды на творчество в целом и поэзию в частности поэт выразил в своих критических работах и стихах. В предисловии к одному из изданий своих стихов он писал: «Все творчество моё есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений» [1, с. 225]. Воплощая их в поэзии, Есенин стал одним из основателей имажинизма как пути к новому искусству. Но с течением времени он пришёл к выводу, что зачастую желание удивить ведёт к формальному кокетству и только. За это Есенин открыто и остро критикует футуризм, а впоследствии заявляет и о «смерти» ранее продвигаемого им имажинизма: «...единственным законом искусства <...> является выявление жизни через образ и ритмику образов» [1, с. 253]. Есенин отстаивает определенную форму бытописательства, считая, что «*быт надо идеализировать и романтизировать*» [1, с. 263]. Именно поэтому Есенин отмечал, что реалиям русской жизни, как и искусству нужно обновление. Новая жизнь и новое искусство тянутся к новым вершинам, «ища нового незаписанного места, чтобы через новые рисунки, через новые средства, протянуться еще дальше» [1, с. 200].

Статьи Есенина об искусстве отражают глубокие знания и интерес поэта к истории и укладу жизни русского народа. Есенин отмечает богатство быта русского человека, в котором отражается исконно-народное восприятие мира. Неспроста, уверен Есенин, утром, «вытирая лицо свое о холст с изображением древа, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его...» [1, с. 181]. Равно как и цветы на постельном белье «относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдых отдавшего день труду на плодах своих» [1, с. 181].

Есенин считал, что поэту важна «метафорическая цепь. Лирическое чувство в круге образных синтаксических единиц-метафор», что способствует выявлению «себя через преломление в окружающем мире» [1, с. 259]. Поэтому в работах Есенина об искусстве присутствует богатая образность, характерно частое использование сравнений, метафор, эпитетов. Язык Есенина живой и колоритный. Так, говоря о прозе А. Белого, Есенин отмечает идейную глубину его прозы («...он зачерпнул словом то самое, о чём мы мыслили только тенями мыслей...») [1, с. 210], при этом отмечает его неудачи: «Но есть и горбатые слова, у которых перебит позвоночник», которые «могут залезть в карман к небу, обкусать края облаков...» [1, с. 211].

Есенин отмечал, что «существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида – душа, плоть и разум» [1, с. 192]. Он проводил грань между творчеством и искусством: «Творчество не есть отображение и потому так далеко отходит от искусства <...>. Искусство <...> живет тогда, когда линии уже все выисканы, а творчество живет в искании их» [1, с. 220].

Поэзия для Есенина – возможность быть сродным с русским крестьянином, образовывать и возвышать его естество, при этом оставаясь простым и доступным: «Искусство для

меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить» [3, с. 18].

Есенину свойствен синестетический характер восприятия реальности. Зрительные образы рождались в его сознании из знаков. Так, он ассоциирует положения тела человека со зрительным образом букв русского алфавита. Есенин тверд и беспристрастен в своих взглядах. Он против чрезмерности и показного жеста в искусстве: «... Жизнь требует только то, что ей нужно, и так как искусство только ее оружие, то всякая ненужность отрицается так же, как и несогласованность» [1, с. 208]. Он открыто не приемлет чрезмерность: «...Представители новой культуры и новой мысли особенным изяществом и изощрением в своих узорах не блещут. Они очень во многом еще лишь слабые ученики пройденных дорог или знакомые от века хулители старых устоев, неспособные создать что-либо сами» [1, с. 216]. Он вголос ругает Маяковского и глубоко печалится о смерти В. Брюсова как носителя высоких поэтических традиций. Некоторое время представляя течение имажинистов, которые «задавали молодой советской поэзии направление развития» [5, с. 220], и отрицая футуризм, в 1924 г. Есенин отмечает: «Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт не может держаться определённой какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово» [3, с. 19].

Есенин считал, что настоящее искусство – строгое, то, «которое есть значное служение выявления внутренних потребностей разума» [1, с. 202]. Именно поэтому он заявлял: «Я вовсе не религиозный человек и не мистик. Я реалист» [1, с. 226], но здесь же признавал лиричность своей поэзии: «И если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и дамообожяемого уклада, а самая настоящая земная <...>. В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувство и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам» [1, с. 226]. При этом Есенин настойчив в отсылке к народности и русскости своего творчества: «Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза <...>. Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность...» [1, с. 227].

Есенин очень серьёзно и в высшей степени осознанно относился к искусству поэзии. Во вступлении к сборнику «Стихи скандалиста» он заявлял: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии...» [2, с. 284]. Обращаясь к Р.В. Иванову-Разумнику, он признавался: «...Я очень много думал <...> за эти годы, очень много работал над собой, и то, что я говорю, у меня достаточно выстрадано» [2, с. 340]. Он ценил богатство русской поэтической речи и настаивал на стремлении к саморазвитию каждого поэта: «...500, 600 корней хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов дело довольно скучное, чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски» [2, с. 340]. Более того, Есенин беспокойно заключал: «...к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе я, не умели писать стихов» [2, с. 340].

Есенин занимался изучением особенностей русской словесности, много времени посвящал анализу поэтического опыта старших мастеров слова и поэтов-современников. В одной из автобиографий Есенин называл любимым писателем Гоголя, «из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешёл к Пушкину» [3, с. 17]. А в октябре 1925 г. в работе «О себе» признавался: «Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности» [3, с. 22]. Примечательно, что в данном признании Есенин использовал форму прошедшего времени – он ценил влияние этих поэтов, но их время, видимо, прошло. Сейчас он снова обратился в классике: «В смысле формального развития меня тянет всё больше к Пушкину» [3, с. 22].

Есенин трепетно относился к наследию Пушкина уже в ранний период становления своего поэтического дара. Об этом свидетельствует стихотворение, которое содержится в письме, адресованном В. Чернявскому летом 1915 г.: «Вот стишок тебе один <...>. Извести меня, каков стих, и я пойму о других» [3, с. 59]. Стихотворение не имеет названия. По первой строке оно именуется «Я странник убогий». Ритм, мелодика и формальная аранжировка данного стихотворения отсылают к произведению А. Пушкина «Узник», написанному в 1822 г. [8, с. 276]. У обоих авторов представлен образ отшельника. Но далее тематическая наполненность разнится: лирический герой Пушкина окрылён желанием свободы, тогда как есенинский герой

счастлив сокровенным чувством соучастия святому. Если поделить строфы Пушкина интонационно, стихотворения поэтов обретают формальную схожесть. Ритмика Пушкина совпадает с мелодикой Есенина: строки Пушкина и Есенина формально идентичны – каждая строка содержит одинаковое количество слогов. Так, оба стихотворения начинаются строкой в шесть слогов, далее – пять. Количество слогов чередуется данным образом у обоих авторов. При этом стихотворение Пушкина на две (четыре – по образцу нашего анализа) строки длиннее:

С. Есенин «Я странник улогой» (ранняя версия)	С. Есенин «Я странник убогий» (версия, представленная в собрании сочинений)	С. Есенин (кол-во слогов в обеих версиях)	А. Пушкин «Узник»	А. Пушкин (кол-во слогов)
Я странник <u>улогой</u> , В кибитке сырой Пою я про бога, Как сын за горой,	Я странник убогий. С вечерней звездой Пою я о боге Касаткой степной.	(6) (5) (6) (5)	Сижу за решеткой в темнице сырой . Вскормленный в неволе орел молодой,	(6) (5) (6) (5)
На шёлковом блюде Опала осин, Послушайте, люди, Ухлюпы трясин.	На шелковом блюде Опада осин, Послушайте, люди, Ухлюпы трясин.	(6) (5) (6) (5)	Мой грустный товарищ, махая крылом, Кровавую пищу клюет под окном,	(6) (5) (6) (5)
Ширком в луговицы Целуя сосну, Поют быстровины Про рай и весну.	Ширком в луговины, Целуя сосну, Поют быстровины Про рай и весну.	(6) (5) (6) (5)	Клюет, и бросает, и смотрит в окно, Как будто со мною задумал одно.	(6) (5) (6) (5)
Я странник улогой, Лишь в песнях живу, Зелёной дорогой Ложусь в траву,	Я, странник убогий, Молюсь в синеу. На палой дороге Ложусь в траву.	(6) (5) (6) (5)	Зовёт меня взглядом и криком своим И вымолвить хочет: «Давай улетим!	(6) (5) (6) (5)
Покоюся сладко Меж росновых бус, На сердце лампадка, А в сердце Исус.	Покоюся сладко Меж росновых бус; На сердце лампадка, А в сердце Исус.	(6) (5) (6) (5)	Мы вольные птицы; пора, брат, пора! Туда, где за тучей белеет гора, Туда, где синеют морские края, Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»	(6) (5) (6) (5) (6) (5) (6)

Данное формальное сходство стихотворений свидетельствует о мастерстве Есенина, которое оттачивалось путём детального и глубокого изучения им творчества Пушкина. Есенин впитывал не только красоту русского слова, но ритмику и мелодику стиха признанного гения, вырабатывая собственную неповторимую технику и голос. В этом Есенин следовал совету, который дал последнему своему адресату Я. Цейтлину: «...Строго следите за расстановкой слов <...>. Не берите и не пользуйтесь избитых выражений. Их можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке, в руках умелого мастера они выглядят по-другому» [3, с. 173, 175]. Есенин не отрицал влияния старших мастеров: «Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза <...>. Он живёт во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому и у других» [1, с. 227].

Есенин прошёл школу Пушкина и, совершенствуя поэтический рисунок, пришёл к осознанию, что недостаточно добиваться рифмы, ставя ее во главу угла. Необходимо «звук-овое притяжение одного слова к другому, то есть слова входят в одну и ту же произносительную орбиту <...>. Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, которое соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыслов...» [2, с. 340–341]. Есенин настаивал, что «глагол с глаголом нельзя рифмовать», так как «все глагольные окончания есть вид одинаковости словесного действия» [2, с. 341]. Отстаивая свои новаторские убеждения, Есенин настойчиво следовал им, поэтому «отказался от всяких чётких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но размысленно» [2, с. 341].

Есенин очень внимательно относился к словам и рифмам, но не менее осторожно подходил к форме и очередности размещения своих стихов в сборниках. В письме к Г. Бениславской в 1924 г. он писал: «Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анной Абрамовной, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах “Пугачёв”, потом “36”, потом “Страна негодяев” и под конец “Песнь”. Мелкие же поэмы идут впереди всего...» [2, с. 345]. В очередном письме он даёт указания издать «Рябиновый костёр» так, как там расставлено. «Русь советскую» в конце исправьте. Вычеркните слово «даже», просто сделайте «но и тогда» Потом – не «названьем», а «с названием» [2, с. 345]. Поэт также инструктировал Г. Бениславскую относительно расположения произведений в планируемом к изданию Собрании стихов: «“Возвращение на родину” и “Русь советскую” поставьте после “Исповеди хулигана”. “Москва кабацкая” полностью <...> со стихотворением “Грубым даётся радость”. “Персидские мотивы” не включайте. Разделите всё на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: “Пугачёв”, “36”, “Страна”, “Повесть о походе”. После “Инонии” вставьте “Иорданскую голубицу”» [2, с. 345–346]. Далее, вероятно, шутя, а, возможно, пророчески, замечал: «Вдруг помрёшь – сделаешь всё не так, как надо...» [2, с. 345–346]. В письме П. Чагину Есенин просил его вырезать «все стихи, которые печатались в “Бакинском рабочем” <...>. Я всё приведу в порядок и вышлю их тебе с полным описанием расположения книги...» [2, с. 347].

Творчество для Есенина было одновременно благодатью и болью. Так, еще в своём раннем стихотворении «Поэт» (1910–1912) он представил поэзию как крайне тяжелый путь, отдаваясь которому сам создатель гибнет:

*Он бледен. Мыслит страшный путь <...>.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.*

*Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах....»* [2, с. 3].

Уже здесь Есенин отмечал, что творчество – осознанный акт. Образы поэта продуманные и чёткие:

*«Но ясных грёз его краса
Горит в продуманных картинах* [2, с. 3].

В письме к Г. Панфилову в 1912 г. Есенин дал обещание: «Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему “Поэту”. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду твёрд...» [2, с. 297]. Этому завету Есенин следовал безоговорочно. В 1925 г., в последний год жизни, видение Есенина сути творчества не изменилось:

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души* [7, с. 113].

В 1924–25 гг. Есенин переживает творческий взлёт и новый порыв вдохновения: «...Я чувствую себя просветлённым, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо просроченного успеха. Я понял, что такое поэзия. Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделять стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен <...>. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв <...>. Так много и легко пишется в жизни очень редко» [2, с. 347]. В этот период были написаны программные для его творчества работы больших форм и сложных жанров: неоконченная поэма «Гуляй-поле», поэмы «Песнь о Великом походе», «Поэма о 36», «Анна Снегина», «Чёрный человек» и др. Есенин полон творческих планов и намерения жить: «Моя жизнь и моё творчество еще впереди», писал он летом 1924 г. [3, с. 19].

Таким образом, Есенин-поэт – это естество чувств, которые слагали его жизнь – «маятник: чем глубже страдание, тем сильнее счастье; безумная печаль сменяется еще более безумным порывом радости» [9, с. 112]. Есенин отдал свою жизнь искусству, болел за простой народ, был твёрд и прям в своих суждениях. За это поплатился жизнью:

*Невесёлого счастья залог –
Сумасшедшее сердце поэта* [2, с. 134].

Закключение. Жизнь Есенина – короткая, но яркая – породила много точек зрения – частую радикально-полярных – о самом поэте, о его образе жизни и творчестве. При этом Есенина нельзя рассматривать в режиме однополярности – как истинный поэт, он сложен и неоднозначен. Его настроения менялись, при этом на каждом определённом жизненном этапе Есенин был им верен, при всей радуге жестов и мнений, он был един в своих принципах и взглядах – монолитный, однонаправленный, точный.

Истоки творчества Есенина имеют глубоко народные корни – стихи поэта образно отражают быт и особенности повседневной жизни русского крестьянина. Он учился у Пушкина, изучая ритмику и мелодику его строк, перенимая любовь к слову и языковой детали; развил его открытия, привнес новаторские черты в русскую поэзию первой половины XX в.

Последний период жизни и творчества поэта характеризуются высочайшим подъёмом – поздние работы Есенина говорят о динамическом сдвиге к глубоко философскому содержательному наполнению и сложной огранке стихов в парадигме формы. Это был новый этап развития русской поэзии, форпостом которой стал Есенин.

Литература

1. Есенин, С. Собрание сочинений : в 5 т. / С. Есенин. – М. : Худ. лит-ра, 1966–1968. – Т. 4 : Проза. Статьи и заметки ; ред. Т. Сумарокова. – 1967. – 326 с.
2. Есенин, С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Есенин. – М. : Советская Россия : Современник, 1989–1990. – Т. 2 : Стихотворения. Проза. Статьи. Письма / сост. Ю. Прокушев. – 1990. – 384 с.
3. Есенин, С. Собрание сочинений : в 5 т. / С. Есенин. – М. : Худ. лит-ра, 1966–1968. – Т. 5 : Автобиографии. Письма ; под ред.: Т. Сумароковой. – 1968. – 373 с.
4. Агеева, З. Тайна гибели Сергея Есенина / З. Агеева. – М. : Родина, 2022. – 464 с.
5. Прилепин, З. Есенин. Обещая встречу впереди / З. Прилепин. – М. : Молодая гвардия, 2020. – 1027 с.
6. Прокушев, Ю. Сергей Есенин [Электронный ресурс] / Ю. Прокушев – Режим доступа : http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0460.shtml. – Дата доступа : 01.08.2024.
7. Есенин, С. Собрание сочинений : в 5 т. / С. Есенин. – М. : Худ. лит-ра, 1966–1968. – Т. 3 : Стихотворения и поэмы (1924–1925) ; под ред. Т. Сумарокова. – 1967. – 382 с.
8. Пушкин, А. Узник / А. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 16 т. / ред. ком.: М. Горький [и др.]– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 2, кн. 1 : Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – 1947. – С. 276.
9. Любовь и смерть Сергея Есенина / под ред. И. Данченко. – М. : МП Дефанта, 1992. – 157 с.